

А. А. Шахматов принадлежал к тому сейчас уже редко встречаемому типу создателей крупнейших научных школ, представители которого руководили наукой без гугвернерства, без назидательных статей и без громких методологических деклараций. Ученые эти создавали свои научные школы непосредственным примером своих исследований, а не нравоучениями.

Рассказывают про одного из таких ученых, как он, сидя в саду с одним из своих учеников, провел на песке палочкой черту и спросил: «Как показать, что эта черточка коротка, не зачеркивая ее и никак ее не задевая?». Затем он нарисовал рядом на песке длинную черту (длиннее первой) и сказал: «Только так!»

Все текстологические работы Шахматова были такими длинными чертами рядом с короткими черточками его предшественников и современников.

Возражая С. Шамбинаго (по поводу его исследования повестей о Мамаевом побоище) или Ив. Тихомирову (по поводу его исследований русского летописания), Шахматов создавал собственные исследования на те же темы. Он был независим от своих предшественников именно потому, что ни от кого не «отталкивался» и никому не противопоставлял своих взглядов. Но это противопоставление обязаны сделать за него мы сами.

Какими были текстологические приемы изучения до Шахматова и какими они стали после него? Я не хочу повторять то, что много раз уже было написано по этому вопросу. Суммирую лишь главные выводы.

1. Предшественники Шахматова сперва издавали старые тексты, а потом изучали их по собственным изданиям.

2. Предшественники Шахматова, выбирая в подлинных текстах так называемые лучшие чтения, создавали на основе этих произвольно выбранных чтений так называемые сводные тексты и реконструкции, своеобразные мозаики, а затем оперировали с этими созданиями своего воображения как с подлинными текстами, изучали их воображаемые соотношения, создавали новые и новые гипотезы, строили догадки и предположения по истории текста, подтягивали материал под заранее созданные концепции.

Шахматов перевернул в своих исследованиях эти приемы работы. Он сначала изучал тексты, их взаимоотношения, устанавливал их происхождение и только затем издавал. Он пользовался реконструкциями только как конечными выводами исследования, для придания им наглядности, но никогда не создавал реконструкций как основы для последующих изысканий. А. А. Шахматов видел в реставрированных им текстах лишь и л л ю с т р а ц и ю к выводам, своеобразные «материализованные обобщения», последнее и самое веское обоснование в о з м о ж н о с т и своих выводов. Он решительно высказывался против не критического использования реставрированных им текстов в качестве перво-

источников. В рецензии на работу М. Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.», в целом оценивавшуюся им чрезвычайно высоко, А. А. Шахматов писал: «Автор должен был бы стать в теснейшую и непосредственную связь с основным для него источником — русской летописью; между тем он поставил между этим источником и собой мое исследование о древнейших русских летописных сводах. М. Д. Приселков идет при этом так далеко, что редко ссылается на Лаврентьевский и Ипатьевский списки, излагая события X—XI вв.; летописные тексты приводятся им по моему предположению (разрядка моя. — Д. Л.) чтению (например, с. 56, 66)».¹

3. В отличие от своих предшественников, пользовавшихся выборочным анализом текста — по отдельным, изъятым из контекста эпизодам, Шахматов анализировал текст как целое, характеризовал текст в единстве его изменений. Анализ текста по «эпизодам», изолированным и независимым друг от друга, не применялся Шахматовым. Отдельные обнаруженные им изменения текста он всегда соотносил между собой и устанавливал пласты этих изменений, располагая их затем в историческом порядке. Иными словами, текст во всех своих исторических изменениях был для Шахматова единым целым, и он полагал, что и меняется он как целое.

4. Другой чрезвычайно важной особенностью Шахматова как текстолога было его стремление как можно шире охватить весь смежный материал. Для Шахматова текст никогда не был замкнут в самом себе. Он изучал текст в составе сборников, в составе архивов, в составе всего движения литературы. За текстом он всегда стремился увидеть всю письменную культуру народа, «среду», как он ее называл.

5. Еще одна особенность текстологических исследований Шахматова: он стремился не только констатировать движение текста, но и объяснять это движение. Для него не существовало факта самого по себе. Чтобы определить факт, надо его понять. Внешне сходные текстологические явления, имеющие и различные объяснения, — это различные же явления.

6. Объяснение движения текста Шахматов искал вне текста: в создателях текста, в их политических идеях, в их воззрениях на мир, в их способах работы и т. д. Шахматов искал в текстах прежде всего отражение сознательной, целеустремленной деятельности человека и только тогда, когда не было возможности найти в том или ином изменении текста проявлений этой сознательности, объяснял изменения текста ошибками переписчиков, случайными утратами и т. п. Этим он также резко отличался от тех своих предшественников, которые в тексте видели в первую очередь бессознательные изменения текста, ошибки, искажения и

¹ Шахматов А. А. Заметки о древнейшей русской церковной жизни. — Научно-исторический журнал, 1914, № 4, с. 45.

стремились этим объяснить «движение текста». Принцип и р и м а т а сознательных изменений текста над бессознательными был крупнейшим завоеванием Шахматова как текстолога.

Я не останавливаюсь на других особенностях текстологических исследований Шахматова: все они составляют стройную методическую систему, и мне уже неоднократно приходилось писать о ней.

Сегодня я останавлиюсь на одном вопросе — чрезвычайно важном: какие особенности Шахматова как ученого позволили ему сохранить такое длительное влияние на нашу науку? Почему текстологические принципы Шахматова смогли иметь такое важное значение и для нашего времени?

Шахматова мы признаем основателем современной текстологии, но, странное дело, самый термин «текстология» был изобретен уже после его смерти. Даже термин «критика текста», употреблявшийся до термина «текстология», ни разу не был применен Шахматовым в его работах.

Историки признают Шахматова крупнейшим источниковедом, но термин «источниковедение», уже существовавший в его время, никогда также не употреблялся Шахматовым. Даже термин «источник» отсутствует в его работах.

Время воздало по заслугам Шахматову: он был назван и текстологом и источниковедом, как были названы и созданные им науки — текстология и источниковедение — другими, не им самим.

Сила воздействия Шахматова на современную филологическую и историческую науки не уменьшалась от того, что он не позаботился назвать то, что он делал и чем занимался.

Я не сторонник того, чтобы ученый никогда прямо не выражал своих взглядов на принципы научной работы. Такая точка зрения мне чужда, и она говорила бы только о моей собственной непоследовательности — особенно в данном выступлении, посвященном п р и н ц и п а м текстологических исследований Шахматова.

Однако в исторических условиях, в которых жил и работал Шахматов в обстановке науки конца XIX и начала XX в., такая воздержанность Шахматова несомненно сыграла огромную роль в его росте как ученого и позволила ему в известной мере подняться над ограниченностью науки своего времени: потому что, не декларируя принципов своих исследований, он был внутренне свободен в них. В работах о Шахматове не раз говорилось, что он обладал редкой для ученого способностью отказываться от своих выводов, когда новые исследования открывали перед ним новые перспективы.

Ни разу, однако, не отмечалось, что методические приемы исследований Шахматова также менялись по мере вовлечения им в круг своих интересов все нового и нового материала. Совершенство приемы своих исследований, Шахматову не приходилось отказываться от каких-то ранее сформулированных принципов. Он был внутренне свободен и независим. Именно поэтому, дума-

ется, его методы, возникшие на основе чисто рабочего опыта ученого, а не на основе навязываемой этому опыту концепции, сохранили свою силу и для нас.

Именно поэтому от Шахматова ведет свое начало и современная текстология. Тесная зависимость его методики от материала самого исследования позволила ему приходиться к объективным выводам и постепенно создать объективную методику текстологических исследований.

Кратко остановимся на эволюции текстологической методики Шахматова.

Замечательной особенностью текстологических исследований Шахматова было и то, что они лишь в самом начале были узко текстологическими.

Первые работы Шахматова по русскому летописанию ограничивались по преимуществу изучением самого текста, но постепенно исследования Шахматова по летописанию к чисто текстологическим наблюдениям присоединяют наблюдения все более и более широкого круга: он привлекает не только другие памятники — жития, документы, проповеди, но стремится объяснить историю текста явлениями истории общественной (по преимуществу политической) мысли, историей отдельных русских княжеств, наблюдениями над психологией создателей текста и т. д. Так, в работе 1897 г. «Киево-Печерский патерик и Печерская летопись»² А. А. Шахматов изучил историю взаимоотношений князя Изяслава Мстиславича с Киево-Печерским монастырем, что позволило объяснить историю текста в связи с политическими идеями того времени. Именно в этой своей работе А. А. Шахматов впервые стал на путь исторического анализа летописи, так блестяще развернутого им впоследствии. История летописания в предшествующих исследованиях А. А. Шахматова еще не была конкретизирована историческими данными, не рассматривалась как отражение политической борьбы своего времени. Это была история текста по преимуществу. Отныне же содержание летописных сводов и их политические тенденции все более и более привлекают внимание А. А. Шахматова.

В 1900—1901 гг. Шахматов опубликовал обширное исследование «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.»³ Это исследование имеет исключительное значение не только по своим выводам, позволившим внести предварительную ясность в обширное позднее русское летописание, но также и по своему методу: в нем А. А. Шахматов впервые прочно стал на почву историко-критического изучения летописания. Особое значение в работе Шахматова «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.» имел блестящий анализ политической обстановки XIV—XV вв., показавший, что составление свода, с таким размахом общерусских сведений и

² ИОРЯС, 1897, т. 2, кн. 3, с. 795—844.

³ ЖМНП, 1900, сентябрь, с. 90—176, ноябрь, с. 136—200; 1901, ноябрь, с. 52—80.

такой независимостью по отношению к московской великокняжеской власти, могло быть делом только митрополита всея Руси, которому одному было под силу собрать летописи из различных городов и который ясно сознавал единство русской митрополии. Анализ политической позиции Фотия по отношению к Литве и выяснение отражения этой позиции позволили А. А. Шахматову отнести составление Владимирского Полихрона к митрополичьей канцелярии Фотия.

Чрезвычайно любопытно, что тогда как изучение позднейших летописных сводов прочно стало уже в это время у Шахматова на общеисторическую почву, изучение древнейшего летописания все еще оставалось узко текстологическим. В этом факте сказывается зависимость методики работы Шахматова от самого материала исследования. Конкретные связи древнейшего летописания с исторической обстановкой труднее поддавались изучению, чем связи с исторической действительностью позднего летописания. Лишь несколько лет спустя и под влиянием результатов своего исследования поздних летописей Шахматов обращается к изучению древнейшего летописания как исторического явления и дает поразительное по глубине исследование Повести временных лет, явившееся по существу своеобразной историей Киевской Руси. Я имею в виду вышедший в 1908 г. обширный (около 40 печатных листов) труд Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», посвященный пересмотру и подведению итогов его многочисленных работ по древнейшему летописанию за время с 1901 по 1908 г.

Разнообразие материала, привлеченного в этом труде А. А. Шахматовым для решения вопросов древнейшего летописания, исключительно велико. Помимо исследования данных всех многочисленных списков Повести временных лет, А. А. Шахматов опирается на показания «Памяти и похвалы Владимиру мниха Иакова», сказаний о Борисе и Глебе (Несторово чтение о Борисе и Глебе, службы им же, данные Паремийника и др.), жития княгини Ольги, князя Владимира, поучения Феодосия Печерского, *Historia polonica* Длугоша, Синописа, произведений Илариона, Киево-Печерского патерика, русского былевого эпоса, византийских писателей (Константина Багрянородного, Льва Диакона, Малалы, Амартола), Плигинского сборника, отдельных статей Пролога, Русской Правды, Толковой Палеи и т. д. Подчеркну, что А. А. Шахматов не ограничился в «Разысканиях» при анализе столь разнообразного материала только текстологическими наблюдениями, хотя остротой чисто текстологического анализа «Разыскания» превосходят многие из его предшествующих работ. А. А. Шахматов дал блестящий анализ исторической достоверности различных летописных и внелетописных сведений, дал исключительно тонкую характеристику политических идей, отразившихся в летописных сводах, по-новому осветил всю русскую историю IX—начала XII в. Так, глава XIV «Разысканий» — «Мистиша Свенельдич и сказочные предки Владимира Святославича»

дала новый, чрезвычайно ценный материал для суждения о дофеодалных междукняжеских отношениях Киевской Руси. Глава V «Летописное сказание о Владимире и его крещении» по-новому осветила вопрос о крещении Владимира и т. д.

Каждый из определенных А. А. Шахматовым древнейших сводов получил яркую характеристику в свете политической борьбы своего времени, причем эта политическая борьба всегда имеет у него свежую и оригинальную трактовку. Так, состав и тенденции Древнейшего свода 1039 г. А. А. Шахматов определял политическими идеями борьбы за национальную русскую церковь.

Свод 1039 г., возникший по инициативе митрополичьей кафедры, основанной в Киеве в 1038 г., пропагандировал идею превосходства христианской Руси над языческой и прославлял деятельность Ярослава.

В печерских сводах 1073 и 1095 гг. отразилось политическое направление Киево-Печерского монастыря, оппозиционного по отношению к княжеской власти. В своде 1073 г. А. А. Шахматов показывает отражение политических убеждений Никона Великого, дважды бежавшего в Тмутаракань от княжеского гнева. А. А. Шахматов вскрывает центральную идею свода 1073 г.: идею единства княжеского рода на основе старейшинства киевского князя среди братьев — русских князей.

В своде 1095 г. А. А. Шахматов раскрывает резкую критику социальной политики князей; показывает и внутреннюю подоплеку этой критики: вражду игумена Киево-Печерского монастыря Иоанна с князем Святополком Изяславичем. А. А. Шахматов анализирует политическую работу составителя Начального свода 1095 г., стремившегося согласовать противоречивые новгородские и киевские известия, разногласия в сведениях о крещении Владимира, о начале христианства на Руси, об организации церковной иерархии и др.

Таким образом, история текста Повести временных лет сопровождается у А. А. Шахматова глубоким историческим анализом, вскрывающим причины тех или иных изменений в летописи, рост политического самосознания летописцев. Она сопровождается и глубоким историко-литературным анализом памятников.

Необходимо отметить, что чисто текстологическое изучение летописных списков всегда оставалось основой обобщающих работ А. А. Шахматова по летописанию. Историко-критическому изучению памятника летописания всегда предшествовало у него точное восстановление истории самого текста. Поэтому, с годами все более и более придавая значение историческому анализу летописания, А. А. Шахматов отнюдь не ослаблял своей работы текстолога. Это особенно ясно из его черновой работы, посмертно изданной в 1938 г. под названием «Обозрение русских летописных сводов XIV—XV вв.». Но наряду с чисто текстологическим анализом и в тесном взаимоотношении с ним в работах Шахматова все более и более возрастал удельный вес филологического, историко-литературного и исторического исследования. Замечательно,

что А. А. Шахматов чем далее, тем более разрывал ограниченность текстологических исследований, органически соединяя исследования текста с изучением историко-литературными, историческими, с исследованиями общественной мысли и фольклора.

Шахматов становился филологом в широком смысле этого слова и по существу переставал быть текстологом. Потому он и стал основателем современной текстологии. Он умел подниматься над своей наукой и потому мог ее поднимать за собой.

В своем отзыве на книгу С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» А. А. Шахматов писал, что «опасно сводить историко-литературные исследования над памятниками живого творчества к сухому анализу текстов». ⁴ Далее он отмечал, что С. К. Шамбинаго «отдал свой добросовестный труд изучению текста этих редакций (летописной повести Сказание о Мамаевом побоище. — Д. Л.), но упустил при этом самое важное — изучение условий, при которых появлялся тот или иной текст». ⁵

Шахматов поднял изучение текста на новую высоту тем, что увидел в изменениях текста производное деятельности человеческого общества: истории, общественной мысли, политических идей, психологии авторов, редакторов и переписчиков. Текст перестал для него быть самодовлеющим явлением. Он занялся изучением «условий, при которых появлялся тот или иной текст». То обстоятельство, что Шахматов не объявлял свои работы исследованиями текста, свои занятия критикой текста, дало ему возможность не замыкаться в кругу узко текстологических вопросов. Исследования текста чем дальше, тем больше становились для него исследованиями широко историко-литературными.

Как текстолог Шахматов был филолог и историк литературы, как историк литературы он был историк, а как историк он был ученый, стремящийся только к объективной истине, свободной от ограниченности рамками мировоззренческих и общеметодологических деклараций своего времени.

Конечно, Шахматову не удалось вырваться из плена своих идеалистических воззрений. Историк Шахматов не видел классовых основ анализируемых им идеологий. На это мне уже приходилось указывать. Историк литературы Шахматов не видел изменений в области истории жанров. Для него, например, летопись как жанр не изменялась. Он не замечал изменений в способах работы летописцев, в литературных приемах их труда и т. п.

Внести уточнения в эти представления Шахматова и в связанные с ними приемы работы над текстами еще предстоит будущим исследователям.

Важно, однако, что он не видел различий в научных дисциплинах, добывающих материал и исследующих материал, анализирующих материал и обобщающих.

⁴ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910, с. 79 (1).

⁵ Там же, с. 82 (4).

Это разделение наук на вспомогательные и основные может быть признано окончательно устарелым. К этому идет современная наука. Нельзя строить обобщения, не исходя непосредственно из источников.

Шахматов как текстолог был замечателен тем, что он никогда не ограничивался изучением текста самого по себе. И с этой точки зрения то обстоятельство, что Шахматов никогда не объявлял свои исследования текста критикой текста, а свои исследования источников источниковедческими штудиями, не должно рассматриваться только как проявление скромности ученого. Это было явление принципиальное и чрезвычайно важное. Он создал современную текстологию и историческое источниковедение именно потому, что сумел в собственных работах практически победить ограниченность и замкнутость так называемой критики текста, заменив ее филологическим изучением памятников. Для него связь наук была чем-то гораздо более реальным, чем их ограниченность и ограниченность. И в этом смысле мы можем сказать, что Шахматов не был текстологом и не был источниковедом. Он был филологом и историком — историком в самом широком и принципиальном смысле этого слова.

Раньше чем кто-либо другой Шахматов почувствовал и практически осуществил ту связь различных научных дисциплин, которая является характерной чертой развития всей современной науки вообще. Так получилось потому, что гениальная практика его исследований смогла намного опередить теоретическую ограниченность его времени.